

Мордовцев Даниил Лукич

По Испании

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
Д18

Д18 **Даниил Лукич М.**
По Испании / Мордовцев Даниил Лукич – М.: Книга по Требованию, 2025. –
290 с.

ISBN 978-5-519-97393-9

ISBN 978-5-519-97393-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

I.

Вдоль Пиринсевъ до Ируна.

«Часто, при закатѣ солнца, облокотясь на перилы моего балкона, засматриваюсь я на разстилающуюся передо мной обаятельную картину, облитую горячимъ, южнымъ освѣщеніемъ. Какъ раскаленное до-бѣла желѣзо, горитъ снѣговая вершина Сіерры-Невады на голубомъ небѣ; розовый, волнующійся паръ прозрачной пеленой лежитъ внизу надъ городомъ и зеленою гущею равнины; далѣе, въ свѣтло-голубомъ туманѣ, горныя цѣпи. Угловатая вершина Сіерры-Эльвиры, за которую спускается солнце, словно облитая пылающимъ золотомъ, бросаетъ вокругъ себя лиловые тѣни... Все — небо и земля горятъ и таютъ въ невыразимой лучезарности... Я съ жадностью засматриваюсь на эту долину, на эти чудными цвѣтами переливающимися горы, на эту Альамбру, — вдыхаю въ себя прохладу ея садовъ и фонтановъ, и думаю, какъ-бы сдѣлать, чтобы все это навсегда живо запечатлѣлось въ моей душѣ, чтобы всегда можно было помнить объ этомъ раѣ, который, Богъ знаетъ, приведется-ли мнѣ еще увидѣть...

...«Да! ярче чѣмъ апельсиныя рощи Палермо, чѣмъ берега Неаполя, будутъ жить въ моей душѣ эта равнина Гранады, обставленная горами, эти холмы Альамбры и Хенералифе, въ густой растительности которыхъ играютъ тоны южной и сѣверной природы, и Сіерра-Невада съ своимъ снѣговымъ пологомъ и радужными переливами отлогостей. А закатъ солнца съ Хенералифе — какое солнце, и какая картина!

...«Гранада!! Еслибъ это слово могло передать вамъ хоть тѣнь ея красоты, еслибъ я могъ перенести васъ въ мою маленькую комнату въ то время, когда закатывается солнце и косвенные лучи его разливаютъ по долинѣ радужные, переливающіеся тоны, — небо и земля сливаются и рдѣютъ, какъ раскаленная лава, облака пылаютъ кровавымъ пламенемъ; Сіерра-Невада съ своими скалами чернаго мрамора, съ своимъ снѣгомъ и зеленою отлогостью, вся облитая заходящимъ солнцемъ, кажется массой, сложенной изъ драгоценныхъ цвѣтныхъ камней... минута чудесь! Темная, влажная зелень деревьевъ проникнута золотистыми отливами; нѣтъ захоластья, нѣтъ уголка тѣни, куда не проникала бы яркость этого солнца. Вечерній паръ, разстилающійся по долинѣ, похожъ на пыль, состоящую изъ аметистовъ и рубиновъ, — и все прозрачно, все горитъ и сверкаетъ; колокольни деревень, разсѣянныхъ по долинѣ, свѣтятся какъ пурпуровые бенгальскіе огни... Но жаркіе тоны начинаютъ блѣднѣть, обозначаются очертанія горныхъ цѣпей, на ихъ синѣющихъ отлостяхъ уже чуть-чуть отсвѣчивается лиловое мерцаніе;

надъ долиной густо поднимается голубой, влажный туманъ, по которому бѣлой матовой полосой отсвѣчивается луна, выходящая изъ-за Сіерры-Невады. Солнце давно скрылось за горами Гранады; равнина лежитъ въ сѣромъ сумракѣ, а снѣговой пологъ Сіерры горитъ еще лиловымъ сіяніемъ, и чѣмъ выше, тѣмъ ярче и багровѣе; вотъ, на самой вершинѣ, сверкнуло оно послѣднимъ, алымъ лучемъ... Да нѣтъ! этой красоты нельзя передать, и все что я здѣсь пишу, есть не болѣе, какъ пустыя фразы; да и возможно ли отчетливо описывать то, чѣмъ душа бываетъ счастлива! Описывать можно только тогда, когда счастье сдѣлается воспоминаніемъ. Минута блаженства есть минута нѣмая. Представьте-же себѣ, что эта минута длится для меня здѣсь вотъ уже три недѣли. Въ головѣ у меня нѣтъ ни мыслей, ни плановъ, ни желаній; словомъ, я не чувствую своей головы; я ни о чемъ, такъ совершенно ни о чемъ не думаю; но еслибъ вы знали, какую полноту чувствую я въ груди, какъ мнѣ хорошо дышать... мнѣ кажется, я растеніе, которое изъ душной, темной комнаты вынесли на солнце; я тихо, медленно вдыхаю въ себя воздухъ, часа по два сижу гдѣ-нибудь надъ ручьемъ и слушаю, какъ онъ журчитъ, или засматриваюсь, какъ струйка фонтана падаетъ въ чашу... Ну что, еслибъ вся жизнь прошла въ такомъ счастьѣ!»

Кто изъ насъ, бывшихъ юношей конца второй четверти этого столѣтія, лѣтъ 30—35 тому назадъ, не читалъ восторженныхъ строкъ, сейчасъ мною приведенныхъ, и не отдавался иногда горькому, завистливому

раздумью: «а увижу-ли я все это? — попадутъ-ли мои ноги и мое сердце въ тотъ рай, о которомъ цѣлыя столѣтія плакали изгнанные изъ него мавры?—доведется-ли мнѣ взглянуть хоть разъ на эти дивныя мѣста, на эту волшебную Гранаду и Альамбру?»

Да, многіе безъ сомнѣнія задумывались объ этомъ надъ нѣкоторыми мѣстами «Писемъ объ Испаніи» Боткина.

И вотъ мнѣ, уже отживающему, выпало на долю то, что юношѣ казалось недостижимымъ счастьемъ. — Я былъ въ Испаніи, я видѣлъ Гранаду и Альамбру.

Да развѣ-же это въ самомъ дѣлѣ несчастье, какъ для юноши, такъ и для старика, видѣть возможно большую часть той планеты, на которой мы живемъ—этого лучшаго изъ міровъ, если ужъ не возможно созерцаніе всего міра, цѣлой вселенной?

Прошлую зиму, послѣ неудачнаго и гибельнаго для меня восхожденія на Араратъ, восхожденія, кончившагося жесточайшимъ лавриномъ съ прободеніемъ легкаго, я долженъ былъ провести эту зиму на тепломъ югѣ, въ Ментонѣ, подъ защитою отъ холоднаго сѣвера. Приморскихъ Альпъ, откуда, по счастливомъ выздоровленіи, я задумалъ совершить путь въ Испанію—въ страну гитары и фанданго, въ отечество альмавивы и мантильи, туда, гдѣ «бѣжитъ-шумитъ Гвадалкивиръ»; — гдѣ Сидъ и донъ-Кихотъ совершали никому ненужные подвиги, а Мурильо рисовалъ своихъ безсмертныхъ мадоннъ;—гдѣ Санчо-Панса былъ достойнымъ губернаторомъ, а Христофора Колумба считали

сумасшедшимъ; — гдѣ Филиппа II и Карла V не посадили на цѣпь только по недоразумѣнію, а Торквемаду не сожгли на кострѣ по ошибкѣ, гдѣ, наконецъ, самъ великій Цезарь схватилъ лихорадку—

И весь дрожалъ—да, этотъ богъ дрожалъ!
 Съ его трусливыхъ губъ сбѣжала краска,
 И взоръ, что цѣлый міръ приводитъ въ трепетъ,
 Совсѣмъ померкъ. И Кассій слышалъ, какъ онъ охалъ;
 Его уста, которыхъ изреченья
 Записывали римляне, шептали
 Такъ жалобно, какъ дѣвочка больная:
 «Титиній, дай мнѣ пить... *)»

Въ эту Испанію я направилъ свой путь изъ моего «прекраснаго далека».

Я выѣхалъ изъ Ментона 25 марта, какъ разъ на русское Благовѣщенье. Соотечественники и соотечественницы, съ которыми мнѣ пришлось на чужбинѣ мыкать горе въ теченіе зимы и размыкивать по Ментону и его окрестностямъ наши плевриты да бронхиты, экземы да эмфиземы, а чаще всего матушку-чахотушку, любезно проводили меня до самаго вагона, который долженъ былъ унести меня въ отечество «шпанской вишни» и «шпанской мушки» — въ далекую и невѣдомую страну «кантаридъ». Когда послѣдніе махающіе мнѣ платки и зонтики скрылись изъ глазъ, сердце мое немножко сжалось, да такъ кажется и не разжималось все время, пока я скитался по разнымъ Сіеррамъ-Моренамъ да Сіеррамъ-Невадамъ, а ноги, глаза и тоскующая мысль

*) Шекспиръ: „Юлій Цезарь“.

вмѣстѣ съ нервами блуждали и по прошлому, и по настоящему Кастиліи и Наварры, Бургоса и Мадрита, подѣ солнцемъ Андалузій и Аррагоніи, по улицамъ и садамъ Севильи и волшебнаго Алькасара, подѣ кисейно-узорчатыми сводами дворцовъ Альамбры, а послѣ— по нетлѣнному форуму римскому и по узкимъ, какъ могилы, улочкамъ вырытой изъ подѣ земли и лавы, двухтысячелѣтней великой могилы—Помпеи. Оно раскрылось только тогда, когда усталыя ноги мои стояли на почвѣ милой Украины, а очарованная душа таяла и трепетала подѣ звуки родной мелодіи —

Ой—и малà нічка-петрівочка,
Не виспалась моя дівочка...

Что же влекло меня въ эту Испанію, гдѣ даже великаго Цезаря трепала лихорадка, а В. П. Боткинъ потерялъ голову?—Да то же, что и въ Египетѣ, на пирамиду Хеопса, и въ Іерусалимѣ, на Елеонскую гору, и на проклятый Араратъ: — жажда новыхъ, великихъ, подчасъ горькихъ ощущеній. Но тамъ—и на песчаной окраинѣ Сахары, и въ выжженной солнцемъ пустынѣ Іордана, и подѣ ледниками Арарата у меня за спиной не стоялъ призракъ смерти, который не покидаетъ меня со дня лежанья моего въ палаткѣ персидскихъ курдовъ подѣ черными скалами андезита, а по временамъ напоминаетъ о себѣ острыми ощущеніями въ груди. Вотъ почему и сжалось мое сердце, когда быстрый поѣздъ — express — унесъ меня изъ виду милаго Ментона.

Поѣздъ нырнулъ въ туннель, пробитый въ гору Сар Martin. Какъ часто мы бродили зимой по этой живописной горѣ, укрываясь отъ солнца въ тѣни лавровъ и миртъ и любясь моремъ и чудною береговою панорамою, на дальнемъ планѣ которой была уже Италія.

Скоро поѣздъ выскочилъ изъ мрака подземелья, и бирюзовое море снова стелется передъ глазами необозримою равниною... Тамъ за этой синевой—Испанія. Но она еще такъ далеко!

Поѣздъ зашипѣлъ и съ дрожью остановился.

— Монте-Карло! Монте-Карло! — выкрикиваютъ кондукторы-французы.

Изъ вагоновъ высыпала толпа, ищущая сильныхъ, но постыдныхъ ощущений. Электрическій звонокъ звонить неумолкаемо, нервно. Станціонный колоколъ призываетъ въ вагоны.

— Aux voitures s'il vous plait!—вѣжливо загоняютъ кондукторы пассажировъ въ поѣздъ.

Поѣздъ тронулся и пошелъ. Мраморная скала съ мраморнымъ на ней храмомъ золотымъ богамъ—«луидору» и «наполеондору», «дублону» и «дукату», «ружу» и «нуару», «транту» и «каранту», зеленая арена для современныхъ гладіаторовъ—бѣдненькихъ голубей, отели и пальмы—все промелькнуло какъ видѣніе.

Виллафранка, Ницца, Каннъ, Тулонъ, Марсель, Арль, Монпелье, Сеттъ, — вотъ этапы до границы Испаніи.

Когда въ Ментонѣ я просидѣ на станціи билетъ прямого сообщенія до Мадрита или, по крайней мѣрѣ, до

Барселоны, то мнѣ могли дать билетъ только до Сетта.

Весна была во всей своей красѣ, когда нашъ поѣздъ мчался этимъ живописнымъ берегомъ Средиземнаго моря и устьями Роны, раскинувшимися на сотни верстъ.

Въ Сеттѣ предстояла перемѣна поѣздовъ. Мой поѣздъ долженъ былъ направиться на Перпиньянъ, на Серберъ, Портъ-Бу и т. д.—въ Испанію, черезъ Пириней. Но мнѣ захотѣлось видѣть всю цѣпь Пиринеевъ, промчатся во всю длину этихъ историческихъ и роковыхъ для Испаніи и Франціи горъ, вплоть до Атлантическаго океана. Мнѣ захотѣлось увидѣть и самый этотъ океанъ, послушать его могучаго говора.

И я направился вдоль Пиринеевъ. Путь мой лежалъ черезъ Нарбоннъ, Каркассонъ, Тулузу, Тарбъ, По—въ Байону. Цѣлый день, съ утра до ночи, по лѣвую руку отъ меня вставали безконечныя громады горъ съ снѣжными вершинами и отлогостями, словно снѣга эти принадлежали другому, не здѣшнему міру, ибо кругомъ меня распускалась и рдѣла ярчайшей зеленью такая полная, такая чудная весна, какую въ состояніи создать только благодатный югъ. Горныя ручьи, рѣчки и рѣки, питаясь неизсякаемыми пиринейскими снѣгами и ледниками, звенѣли и сверкали по зеленымъ долинамъ, взгорьямъ и спускамъ, птицы въ запуски распѣвали свои весенніе концерты, голубое небо казалось такимъ веселымъ, радостнымъ, а тамъ, выше, стояла зима, такая холодная, непривѣтливая, словно бы для нея не су-

ществовало ни этого теплаго солнца, ни этого голубого весеннего неба.

По—одно изъ модныхъ мѣстъ леченія, такое прелестное, живописное—показалось мнѣ скучнымъ, унылымъ. Около него нѣтъ моря, нѣтъ простора для глазъ и воображенія. Впереди только Пиринеи съ ихъ снѣжными головами и гривами: это какая-то тюрьма съ высокою стѣною — и живая мысль невольно рвется перескочить черезъ эту стѣну, туда, на просторъ, къ еще болѣе жаркому югу, гдѣ подъ тропическимъ солнцемъ раскинулась поэтическая родина Сервантеса и Мурильо.

• Утромъ, подѣзжая къ Біарицу—прежнее мѣсто свиданія коронованныхъ особъ—и прослѣдовавъ уже этотъ знаменитый морской берегъ, который видѣлъ полуголая тѣлеса всѣхъ знаменитостей нашего вѣка, я созерцалъ океанъ. Да, его волны не то, что волны Средиземнаго моря!

Странное, тревожное чувство вставало въ душѣ при видѣ этого угрюмаго океана. Утро такое тихое и яркое, воздухъ такой спокойный, что, кажется, свѣчи не задушить; а океанъ дуется и ропщетъ; гигантскіе валы съ сѣдыми гривами, перегоняя другъ друга, точно исполинскіе звѣри съ пѣной у рта кидаются на берегъ и съ шипѣніемъ, медленно убѣгаютъ назадъ. Это океанъ дышетъ своею могучею грудью.

Поездъ гремитъ по мостамъ и туннелямъ, пробѣгая станціи Guethari, Saint-Jean-de-Luz, Urtubie гдѣ въ 1462 году мрачный Людовикъ XI встрѣтился съ королями Кастиліи и Арагоніи—это было такъ давно, —имен-

но въ годъ вступленія на московскій престолъ царя
Ивана Васильевича III-го — «собирателя русской земли»,
и за шестнадцать лѣтъ до паденія независимости Гос-
подина Великаго Новгорода, до снятія вѣчевого коло-
кола...

Вотъ вспомнилась старина!—п гдѣ-же—на границѣ
Испаніи...

А вотъ и граница. Вотъ Ирунъ.
